

ЕВГЕНИИ ИЛЬИЧЕВ

16+

АГЕНТУРНЫЙ ПСЕВДОНИМ
КАНАРИС

Евгений Юрьевич Ильичев

Агентурный

псевдоним Канарис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67778408

SelfPub; 2022

Аннотация

Циничный и черствый журналист получает задание редактора – первым взять интервью у ветерана времен Великой Отечественной Войны. Рассекреченный пожилой разведчик с радостью соглашается на встречу. Рядовое, казалось бы, задание выливается для ушлого журналиста в необходимость спасти свою собственную жизнь, а после и вовсе рождает в душе журналиста глубокий духовный кризис и приводит его к переосмыслению жизненных принципов. Трудно подобраться к разведчику, который все еще на задании.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	25
Глава 5	30

Евгений Ильичев

Агентурный

псевдоним Канарис

Глава 1

Когда я встретил Егора Фомича, мне уже шел сорок третий год. Такой возраст, знаете ли... Ни юношеской пустоголовой восторженности, ни розовых очков. Человек к таким годам уже давно определился и со своими целями в жизни и с мировоззрением. Все у человека к этому возрасту по полочкам разложено, все устаканено и взвешено. На все вопросы свое мнение имеется. И, по большому счету, не важно, кто ты есть на пятом десятке. Все определено и решено в любом случае. Будь ты хоть нобелевский лауреат, хоть горький пропойца. Ты уже знаешь, что иной судьбы у тебя не будет. Власть – воры и казнокрады, медицины в стране нет, и не будет, а в космосе мы первые и того уже не отнять.

Вот так и я думал, когда получал задание редактора. Считал себя полноценной личностью с устоявшимися нравственными принципами. В редакции я был на хорошем счету. Как-никак, двадцать лет в обойме. Коллеги постарше меня уважали. Желторотые салаги, которых наша безжалост-

ная педагогическая машина штамповала «под копирку» пачками, побаивались. Мамонтом за глаза называли. А что мне с того? Пусть называют, как хотят, их дело. Главное, что я знаю свое ремесло. Знаю и умею его выполнять.

Петрович, наш главред, вызвал меня в тот день первым. Была у него такая традиция, по очереди вызывать журналистов, да мелко задания нарезать. Смутило лишь одно – первыми всегда вызывали молодых. Самые вкусные задания доставались тем, кто пером хорошо владел и политически подкован был. А тут на те – МЕНЯ вызвали на ковер первым.

«Не за ту ли статью о городецком маньяке?» – Подумал я, направляясь в «крематорий». В кабинете главного редактора никогда не открывались окна, и всегда было накурено так, что хоть топор вешай. Один из пришлых журналистов окрестил как-то сторяча, да так и прилипло – «крематорий».

– А это ты, Василич? Заходи, садись.

– Утро доброе, Игорь Петрович, – начал было я, но тут же был перебит:

– Ты новости слышал?

– Игорь Петрович, если вы про статью о маньяке, то я своего мнения менять не собираюсь и заднюю давать не планирую. Говнюк-говнюком этот сын прокурора. Пусть, хоть стреляют! Ваши правки...

– Да срать мне на сына прокурора! – грубо оборвал меня редактор. – За самоуправство я тебя уже премии лишил, а дальше, как знаешь. За принципы отвечать надо.

Я немного смутился. Вызвали первым и не ради втыка?

– В таком случае, – признался я, – не понимаю, о чем вы.

Редактор вышколенным движением выбил из пачки сигарету, закурил и жестом подозвал меня к себе:

– Глянь, какая рыба, – почти ласково сказал Петрович, тыкая в экран монитора дымящейся сигаретой.

Я оперся на стол, заваленный газетными обрезками и пеплом, и взглянул в экран. В адресной строке был вбит официальный сайт ФСБ. В первой же новостной вкладке красовался заголовок: «Рассекреченные герои». Редактор кликнул по заголовку, открылось окно, в котором сухим, казенным языком, до предела забитым канцеляризмами, был выложен список имен. Как я понял, бегло изучив документ, наша спецслужба, в честь очередной годовщины победы, решила рассекретить несколько разведчиков, времен Великой Отечественной. Делать вид, будто мне это интересно, я не стал.

– Так. Ну, рассекретили разведчиков. И что с того? Их, поди, уже никого в живых нет.

– Вот этот живой.

Петрович ткнул сигаретой в экран. Пепел замер на имени Макаров Егор Фомич, полковник ГРУ в отставке. Агентурный псевдоним «Канарис». Нахмутив лоб, я принялся штурмовать свои чертоги разума:

– Канарис, Канарис... Стоп! Нет, ну это же не может быть тот самый – Вильгельм Канарис!

– Аааа, старый лис, – хитро прищурился главред, – я знал, что ты тот, кто нужен. Нет, конечно, наш дед не начальник разведки Абвера. Того повесили еще в сорок пятом. Причем свои же. Наш дед, будучи под прикрытием, служил под началом того самого Канариса.

Я присвистнул:

– А ведь Макаров Егор Фомич – реальный Штирлиц.

– Круче. Он служил личным адъютантом у адмирала Канариса с тридцать девятого года.

– Погодите! Не хотите же вы сказать, что Канарис, помимо британской и американской разведок, работал еще и с нашей?

– Я тебе больше скажу, – тыкая окурком в переполненную пепельницу, сказал Петрович, – наш Егор Фомич завербовал эту нацистскую сволочь еще в сорок первом. А с британцами Канарис начал сотрудничать только в сорок третьем. Чуешь, какого полета дед нам попался?

– И вы хотите, чтобы я...

– И я хочу, чтобы наш журнал первым взял интервью у этого Штирлица, – поставил точку главред. – Иди Василич, выполняй!

Глава 2

Из «крематория» я выходил с легким головокружением – не то от никотинового чада, не то от предвкушения интересной работенки. Шутка ли, первым из смертных прикоснуться к живой истории! Да таких ветеранов днем с огнем не сыскать! Большая их часть – тыловики да штабные. Они и под огнем-то никогда не были. Выползают из своих квартир по большим праздникам, а то и раз в год, сплошь увешенные памятными знаками. Не ветераны, а елки новогодние. А тут – офицер Абвера. Семнадцать лет под прикрытием. Самого Гитлера видел, да с прославленным Вильгельмом Канарисом против этого усатого ефрейтора заговор клепал.

– Ну что, голова с плеч? – поучаствовал в моей судьбе наш спортивный обозреватель Дима. Половина сотрудников редакции смотрели на меня. То ли мой задумчивый вид их смутил, то ли столь ранний вызов на ковер.

– Да все нормально, – рассеянно отмахнулся я и поспешил к выходу.

Объясняться и делиться эмоциями не хотелось. Ощущалось нарастающее волнение. Со мной так бывало, только если материал, который мне доставался, действительно щеко-тал нервы.

Из редакции я направился напрямиком в паб. Было у меня в городе одно местечко, где думалось лучше всего. В том баре

я ютился и работал уже не первый год. И хозяин, и персонал меня за старожила почитали. А мне действительно было легко и уютно там. Полуподвальное помещение в стиле «айриш-паб», с ориентацией на день святого Патрика, зеленые цвета и трансляции матчей по регби и футболу. Халявный вай-фай, старенький ноутбук, который я для удобства оставлял там же, и пинта ледяного пива, позволяли в любой момент дня и ночи погрузиться в расследование.

Заказав «как обычно» и, получив заказ на подносе, я направился к себе в «конуру» – самый непривлекательный в баре столик на одного. Располагалось мое логово, то ли под сводом фундамента, то ли под замурованным тайным проходом в другое здание – я не вникал. Было там тесно, темно и, как ни странно, для меня уютно.

Ну, наконец! Я снял напряжение тремя большими глотками ледяного пива, осушив ими сразу полбокала. Занюхал все гренкой с чесноком и открыл ноутбук. Уже на первом часе работы меня настигло чувство глубокого разочарования. На этапе сбора информации и сопоставления дат, я понял, что моему ветерану скоро исполняется сто лет в обед. Точнее сто пять лет. Какой же это источник информации? В лучшем случае – кладезь маразма, а в худшем – беспомощный инвалид.

Выпил еще нефильтрованного, решив зайти с другой стороны. Наверняка у такого деда должны быть родственники, которым он мог рассказывать о своих похождениях. Навел

справки, облом – родни никакой. Живет один в трешке на Кутузовском. Пользуется услугами социальных работников. Ни в одной ветеранской организации не числится. Нигде не светился, как ветеран, никаких социальных проектов не курирует и не поддерживает. Последние двадцать лет карьеры провел консультантом в разведшколе ГРУ. Одним словом – разведчик.

«Ну, точно, – сделал я вывод, – амеба, которая и из дома-то не выползает больше четверти века. Чем же я тебе так насолил, Петрович?»

Немного раздосадованный, я вышел на морозный воздух перекурить это дело. Пока тлела первая сигарета, думал о нелегкой судьбе старика. Это как же нужно было извернуться, чтобы из простого питерского паренька к двадцати четырем годам превратиться в доверенное лицо одного из первых злодеев третьего рейха? Прокрутил в уме биографию, которая сухими цифрами на ведомственном сайте очертила жизненный путь разведчика. Конечно, мой живой ум обрисовал полученную информацию несколько иначе. Где-то добавил от себя, где-то предположил, а где-то приукрасил.

Макаров Егор Фомич – имя не настоящее. На самом деле он был сыном обрусевшего немца, имевшего в Петрограде до революции несколько доходных домов. Мать – испанская актриса. После февральской и октябрьской революций семья будущего разведчика перебралась на запад бывшей Российской Империи. А в разгар гражданской войны, с приходом

интервентов, интернациональная семья перебралась в Германию, попав в программу репатриации. К тому моменту нашему Штирлицу шел уже четырнадцатый год. Он был силен в точных науках. Обожал математику и физику. Бегло говорил на трех языках. Русским и немецким он владел в совершенстве, а испанский изучил благодаря стараниям матушки.

Я сделал подряд две глубокие затяжки. С такими вводными, было сложно стать простым бюргером и довольствоваться обычной работой на заводе. Молодой Ганс Граубер, а именно так звали будущего разведчика, окончив школу, загорается идеей отучиться на морского офицера. Семнадцатилетний парень, буквально, горел мечтой о море. По счастью, в Германии, только что потерпевшей болезненное поражение в Первой Мировой войне, зрели националистические настроения. Страна впадала в депрессию, но в воздухе уже витали агрессивные нотки реваншистов. Их призывы к действию, их громкие голоса и лозунги все чаще долетали до высшего руководства. Президент Гинденбург, идя на поводу у мнения общества и понимая, что поражение еще не конец, приходит к выводу, что в будущих войнах, Германии потребуется сильный флот. Организуются усиленные курсы при рейхсмарине и формируется сложная многолетняя система подготовки будущих немецких офицеров. Именно туда и попадает молодой семнадцатилетний мечтатель Ганс. И именно тогда, судя по рассекреченным данным, наш авантюрист и загорается коммунистическими идеями, попав под влия-

ние, набирающей обороты коммунистической партии Германии. Но, со временем, Ганс Граубер теряет интерес к чуждой идеологии и яростно салютует идеям нацизма.

Я не заметил, как выкурил три подряд сигареты и, изрядно продрогнув, решил все-таки вернуться в свою конуру. Заказав горячего чая, я поймал себя на мысли, что картинка в моей голове окончательно сложилась. То, что Ганс так легко переобулся из коммуниста в нациста, говорит лишь о том, что переобуться ему было приказано. Значит, самого Ганса Граубера завербовали еще в школе мореходства на Балтике. Выходило логично и даже эпично. Получается, преданный идеям коммунизма, Ганс, довольно долго играл роль, преданного идеям нацизма, говнюка. И, похоже, именно в тот момент и состоялась их роковая встреча с адмиралом Вильгельмом Канарисом. А помогло то, что Канарису потребовались моряки, владеющие испанским языком. Совпадение, каких в природе быть не может.

«Это, чистой воды проведение. – Подумал я.»

Остается лишь узнать, каким образом наш бравый военный, смог втереться в доверие к такому опасному зверю разведки – Канарису.

Данных архива на этот счет не хватало. Там были просто зафиксированы сухие факты, мол, завербовал начальника Абвера и длительное время передавал секретные данные на свою историческую родину.

Что же, придется, видимо, навестить нашего Егора Фоми-

ча и расспросить его более подробно. Быть может дед еще в уме и сможет хоть немного приоткрыть завесу тайны. Если он еще в состоянии, хоть что-то приоткрыть.

Домой добирался долго. То ли мысли путанные мешали сосредоточиться на дороге, то ли три пинты пива. В голове постоянно вертелась мысль – «А ведь сейчас таких людей уже не делают!»

Нет, конечно, в нашей жизни тоже есть место героизму. В прессе и по телевизору, бывает, промелькнет коротенькое сообщение или репортаж на эту тему: «Подросток из Ростова на Дону спас сестру из горящего дома», или «Молодой курсант предотвратил ограбление»... Но, то какие-то мелкие герои. И совершают они какие-то мелкие героические поступки. И делают они это довольно редко.

Я шел по зябким вечерним улицам родного города и вглядывался в лица прохожих и гадал, кто из них мог оказаться настоящим героем. Ни в пропойце с помятым лицом, приглядывающимся ко мне из отражения в стекле автомобиля, ни в каком-либо другом человеке, шагающем мне навстречу, я героических ноток не углядывал.

«А, может, просто время не настало?» – Думал я.

А какое время необходимо для героизма? Что нужно увидеть, пережить, прочувствовать такого, чтобы к двадцати с небольшим годам стать тем, кого потомки назовут героем? Или просто достаточно жить в особенное время, в особенном месте, в особенной стране?

– И обязательно в окружении «Особенных людей», – за-
чем-то вслух добавил я, спугнув кота, прятавшегося под со-
седской машиной.

Ладно, утро вечера мудренее. Может, на трезвую голову
идеи о героизме из народа начнут припекать с новой силой?

Глава 3

Сразу спать я почему-то не лег. Зная точный адрес, в цифровой век раздобыть нужный телефон – не проблема. Вечером, уже из дома, я набрал номер. Трубку сняли на первом же гудке, чем немного меня ошарашили. На другом конце я услышал бодрое:

– Слушаю вас.

Немного поблевав от неожиданности в трубку, я все же собрался и уточнил:

– Эээээ, добрый вечер. Я могу услышать Егора Фомича? Макарова.

– У аппарата, – уверенно ответил тот же голос, чем окончательно выбил меня из колеи. Не может голос ста пяти летнего старика звучать настолько бодро. Должно быть это его сосед, или социальный работник. Собственно, мне было без разницы с кем именно я *«имею честь»*, лишь бы получить устное согласие на свой визит.

– Еще раз добрый вечер, – придав своему голосу максимальной импозантности, начал я. – Меня зовут Яков Васильевич Зильбер. Я журналист «Голоса Правды».

– Зильбер? Вы по поводу моей рукописи?

– Да, Егор Фомич, – мгновенно сориентировался я, – мне нужно с вами обсудить ряд вопросов. Вы не против личной встречи?

– Конечно, конечно, молодой человек, – обрадовался голос в трубке. – Я могу вас принять завтра. Вас не затруднит посетить меня? Я, знаете ли, – старик впервые за весь разговор замялся, хотя ощущение было таким, будто его смущение было спланировано, – с некоторых пор, не выездной.

Давненько меня никто не называл «молодой человек» – даже слух резануло. Хотя, с другой стороны, для глубокого ста пятилетнего старика, мои смешные сорок с хвостиком это действительно юность.

– Понимаю, Егор Фомич. Буду рад встрече. Уточним адрес?

Трубку я положил с довольной ухмылкой на лице. Немного подло обманывать человека в таком почтенном возрасте, словно конфетку у ребенка отнял, но гаденькое чувство быстро улетучилось, уступив место предвкушению эксклюзивного материала. Старик, а я уже не сомневался, что говорил именно с полковником Макаровым, судя по всему, был еще в уме и мог поведать много интересного. На волне хайпа, перед очередной круглой датой победы в ВОВ, этот материал будет нарасхват. Засыпал я, уже не терзаясь муками совести.

Хмурое утро постучалось в окно косым дождем впере-мешку с мокрым снегом. Я поднялся без будильника, шмыгнул в ванную и, вернув помятому лицу с трехдневной щетиной некое подобие рабочего состояния, вышел из квартиры. До Кутузовского добрался на такси. Быстро нашел нуж-

ный подъезд и, набрав на потёртом домофоне нужную комбинацию цифр, вошел. Не сильно-то старик о своей безопасности заботился, судя по всему. Назвал незнакомому человеку адрес, код домофона. При этом ни должность мою не уточнил, ни редакцию, ни паспортные данные. Так вел себя, словно мы уже были знакомы несколько лет, и встреча наша была спланирована загодя. Хотя, чего ждать от пожилого человека? Глупо думать, что остаток своих дней старый полковник проведет, соблюдая конспирацию. Если объективная критика сохранена, то ему понятно, в каком мире он сейчас живет. Понятно, что страны, которой он присягал, уже три десятилетия не существует. Ясно и то, что те секреты, которые он хранил столько лет в своей голове, уже представляют не практическую ценность, а сугубо историческую. Я же планировал конвертировать эту историческую ценность в неплохую статью, а если материал будет объемным и действительно стоящим, то и в роман, тем самым, монетизируя эту информацию. Чем черт не шутит?

На этаже уже была открыта дверь в единый на три квартиры коридор. Дверь в нужную мне квартиру отличалась от соседских древностью. Старая отделка под дуб, медная, потемневшая от времени, ручка и потертый глазок папахивали казенщиной и махровым «совком». Я постучал, поскольку звонок не работал. За дверью послышалась какая-то возня.

– Одну минуточку, – раздался приглушенный голос. Защелкали замки, лязгнула задвижка шпингалета, и дверь с

легким скрипом отворилась. В лицо пахнуло тяжелым, спертым запахом старости и пыли. Я отшатнулся, но вида подавать не стал. «И не такое нюхали». Передо мной стоял высокий, сухонький старичок. На старике были надеты растянутые в коленях треники и огромная, не по размеру, байховая рубашка в клеточку. Под ней самая простая майка, в простонародье – «бухайка».

В том, что передо мной именно Егор Фомич, ста пяти лет от роду, я не сомневался, хотя, раньше людей такого возраста я представлял себе немощными инвалидами, обязательно прикованными к кровати или инвалидному креслу.

– Зильбер? – поинтересовался крепенький старичок.

– Яков Васильевич, – уточнил я, делая короткий кивок и натягивая на лицо дежурную улыбку. Признаться, мне не нравилось, что Канарис назвал меня именно по фамилии. Было в этом обращении что-то грузное, словно вкладывал он в эту простую идентификацию моей личности не только обращение, но и свое отношение ко мне. А из уст бывшего нациста, пускай и ложного, такие выпады были, мягко говоря, неприятными.

Дед просверлил меня голубыми, как небо глазами, словно оценивая. Замер на мгновение, а потом, словно опомнившись, засуетился:

– Проходите, пожалуйста. Можете не разуваться, молодой человек, у меня не прибрано.

Я прошел в темный коридор, заваленный всяческим хла-

мом. Огромные кипы газет и журналов, сложенные в пыльные столбы, громоздились вдоль стен. Напротив, выдавшая виды, безразмерная верхняя одежда, висела в полнейшем беспорядке на деревянной вешалке. Места повесить свою куртку я так и не нашел, а потому, раздевшись, просто прошел за хозяином в квартиру, держа вещи в руках.

Дед передвигался маленькими, но быстрыми шажками. Поясница его почти не сгибалась, что придавало бывшему разведчику осанистый вид. Чтобы убрать с пути обветшалый пуфик для ног, ему пришлось медленно присесть и так же медленно встать.

– Прошу прощения за беспорядок, – извинился старик, приглашая меня сесть за круглый стол, сплошь заваленный газетными вырезками, древними, по моим меркам, журналами и какими-то бумагами с винтажным, машинописным текстом. Обстановка была похожа на рабочее место нашего главреда, разве что, у последнего не пахло старостью, лекарствами и близкой смертью. – Мне не часто приходится принимать гостей. Живу я один, но очень много работаю. Времени на домашние дела катастрофически не хватает.

Я оценил обстановку. Поистине, квартира представляла собой склад макулатуры. Характерных для любой ветхой квартиры вазочек, статуэток, картин, наград, ракушек и другого сувенирного хлама не было. Зато везде были книги, журналы и газеты. Глаз зацепился за первый попавшийся журнал на столе. Это была «*Наука и жизнь*» за 1961 год. Я

огляделся и мысленно присвистнул – если покопаться в этом хламе, можно целое состояние накопать. Такого количества винтажных журналов, газет и пластинок нет, пожалуй, и в антикварных магазинах на Старом Арбате.

Егор Фомич, наконец, устроился на стареньком скрипучем стуле, напротив меня, вновь пристально посмотрел мне в глаза и спросил:

– Что же, молодой человек, так вы по поводу моей рукописи?

Я догадывался, что сперва речь пойдет именно об этом и заранее решил подыграть старику. Видимо, когда-то в лохматом году, а может и совсем недавно, дед от безделья решил на создание мемуаров. Отличная, по сути, новость для меня, поскольку именно за его воспоминаниями я и охотился. Нужно только узнать в какое издательство он отправил свое творение, и перехватить этот труд.

Я прекрасно знал, как именно относятся современные издательства к подобным опусам. Как правило, это были напыщенные автобиографические романы, наполненные смыслом лишь в тех местах, где прописан адрес самого издательства и его ОГРН. В основном такие горе-писатели – бывшие партийные деятели, начальники заводов, колхозов, пароходов, писали о том, как было хорошо в их героическом прошлом, как они старались достичь светлого будущего и как плохо им сейчас живется в нашем темном настоящем. В общем, одно бумагомарательство, словоблудие и графоман-

ство. Ни одно, уважающее себя, издательство не возьмется печатать такое за свои деньги. Другое дело, небольшие частные издательства, которые берутся печатать любой бред, за деньги заказчика. Такие книги выходят в свет тиражом по двести – триста экземпляров, в твердом переплете на пяти сотнях страниц офсетной бумаги и так и пылятся после на полках у заказчика до самой его смерти. В лучшем случае, они пылятся на полках у тех людей, кому их подарил сам автор.

– По поводу вашей рукописи... – начал я издаleка. – Егор Фомич, в нашу редакцию поступили сведения от анонима, что ваша рукопись не заинтересовала издательство, в которое вы обратились изначально.

Выражение лица Канариса не изменилось, из чего я сделал вывод, что действую правильно. Он сидел напротив меня и по-прежнему внимательно следил за моей речью. Его небесно-голубые глаза излучали дружелюбие. Руки старик держал перед собой на столе. Я продолжил:

– Дело в том, что нашу редакцию очень интересует ваша рукопись. Более того, в свете последних событий, нам было бы очень интересно узнать о вас и вашей жизни.

– В свете последних событий? – удивился дед. – Вы о чем?

– Ну, наверняка вам звонили с бывшей работы... – предположил я. Не могли же наши brave ГЭБэ-шники снять гриф «Секретно» с личности живого разведчика, а его самого об этом не предупредить. Или могли?

– С работы? – переспросил Егор Фомич, растерянно бегая глазами по моему лицу. – Что вы знаете о моей работе?

Тут я замешкался. Как ответить старому мнительному разведчику так, чтобы не вызвать у него лишних подозрений? Очевидно, он был приучен не афишировать ту часть работы, о неразглашении которой давал подписку. В таком случае, разумно было бы ответить о его последнем месте работы. В статье на сайте ФСБ говорилось о том, что после возвращения в Союз, прославленный Канарис еще долгое время работал с молодыми разведчиками, передавая свой опыт.

– Из академии, – ткнул я пальцем в небо. – Разве вам не говорили о присвоении вам награды?

Напряженное лицо деда тут же просветлело, и он встал из-за стола. Кажется, я попал в точку.

– Дайте мне пару секунд, молодой человек, я сверюсь с записями. Память, знаете ли, уже подводит...

С этими словами Егор Фомич прошаркал мимо меня в коридор и принялся рыться в каком-то шкафу. Я же огляделся. На мгновение мне стало стыдно за свою страну. Дед жил в той еще помойке. Про то, что везде была пыль и грязь я молчу. В квартире, похоже, с полвека не делался ремонт. Обои настолько выгорели, что уже не угадывался изначальный рисунок. Окна, сплошь покрытые уличной грязью, мылись, похоже, лишь проливными дождями. В комнате не было ни телевизора, ни магнитофона, ни банального радио. На потолке вместо люстры висела простая лампочка. Конечно, можно

было предположить, что убираться самостоятельно дед давно уже не может. Но ведь у нас есть социальные службы. Есть приличные пансионаты для престарелых, бывшие госдачи, которые, хоть и перешли на новые коммерческие рельсы, но своего смысла не утратили. Неужели старый разведчик, полжизни положивший на благо родины, в которой, по сути, до войны и не жил, не заслужил приличного к себе обращения? Я уже молчу о том, что этот человек, много лет работая под прикрытием в Абвере, совершил немыслимое, а его подвиг спрятали от всего мира на семь десятилетий, а когда рассекретили, не удосужились поинтересоваться, а жив ли этот забытый герой страны советов?

Я решил абстрагироваться от удручающей картины тотальной нищеты и пялился в грязное окно в ожидании собеседника. Старика не было еще с минуту, но затем шаркающие шаги вновь послышались за моей спиной. Я хотел было обернуться и предложить деду свою помощь, но мне в затылок уперлось что-то твердое и холодное. Я замер на месте.

– Прошу вас, без резких движений, – спокойно сказал Канарис. – На кого работаем?

Я не сразу сообразил, что мне в затылок упирается дуло пистолета и начал оборачиваться, чисто инстинктивно, и тут же получил оглушительный удар в висок. Сначала раздался звон, в глазах потемнело, затем пошли яркие разноцветные круги перед глазами. Начало сильно мутить. Я постарался подняться, но не чувствовал ног. Хотел потереть раскалы-

вающуюся голову руками, но не мог ими пошевелить. Глаза открыть тоже не получалось. Было такое чувство, будто мое тело уже не совсем мое. Я в нем есть, но управлять им не в состоянии. Мысли тоже путались. В раскальвающейся на части голове, они не хотели ни формироваться в слова и предложения, ни дать мне подсказку, что же все-таки происходит. Я потерял чувство времени, пространства и даже не помнил, как оказался в таком положении. Странное чувство. Повторять такое точно не захочется.

Глава 4

Очнулся я от вылитой на голову холодной воды и обнаружил себя на стуле в другой комнате, связанным по рукам и ногам. Интересно, как этот немощный старик дотащил меня сюда? Во мне же, без малого, центнер. В глаза светила лампа, заставляя щуриться и вызывая мучительные приступы головной боли.

– Очнулся? – довольно участливо спросил бывший разведчик.

Я кивнул головой и тут же пожалел об этом. От боли в глазах снова потемнело, комната поплыла перед глазами, и я был готов опять провалиться в небытие. Помогла ватка с нашатырем, которую дед подsunул мне под нос.

– Ну давай, очухивайся, – приказал дед. – Повторю вопрос. На кого работаешь?

– В редакции я работаю, – выдавил я из себя, отворачиваясь от вонючей ватки. – Журналист я.

– Назвался Зильбером, а ни пароля, ни отзыва не знаешь, – сказал старик. – Получается, вы моего связного взяли, да не все выпытали. Кто ты? – повторил он грозно. Я вновь почувствовал что-то холодное у виска.

– Егор Фомич, я же представился. Зильбер я, Яков Васильевич.

– Допустим. Год и место рождения.

– Восемнадцатое мая, тысяча девятьсот семьдесят восьмого. Москва.

Старик засмеялся.

– Под дурачка косишь? – спросил он, продолжая веселиться. – Или это я слишком сильно тебя приложил?

– Егор Фомич, я ничего не понимаю, – взмолился я, начиная понимать, что у вооруженного старика какие-то проблемы с головой. – Вы же меня сами пригласили. Помните? Я с вами вчера по телефону разговаривал. Мы договорились о встрече. Я не знаю ни про какие пароли или отзывы. Я работаю журналистом в журнале. Пришел брать у вас интервью.

– А работой моей, зачем интересовался? – не унимался дед. – Ты мне Ваньку не валяй, гаденьш! На кого работаешь?

Я закрыл глаза, стараясь унять нарастающую боль в голове, но тут же открыл их от испуга, услышав сухой металлический щелчок. Дед взвел курок у самого моего уха.

– Даю тебе три секунды. Явка моя провалена, мне итак уходить. Так что шлепну тебя прямо тут и ищи потом ветра в поле.

– Егор Фомич, миленький. Я правда не понимаю о чем вы толкуете, – чуть не рыдая, выдавил я. Страх за собственную жизнь подстегивал говорить быстро, не разбирая слов и фактов.

– Раз!

– Егор Фомич! Будьте благоразумны! Очнитесь! Я же свой, советский!

– Советский говоришь? А откуда у тебя аппаратура иностранная?

Канарис сунул мне под нос мой же мобильник с яблоком на задней крышке и надписями на иностранном языке.

– У нас таких не делают, – задумчиво протянул дед, разглядывая мой айфон. – Англичанин? Американец? Немец? Говори, собака! Два!

– Русский я! Русский, свой Я, СОВЕТСКИЙ!

Я уже не знал, как успокоить обезумевшего деда.

– Зильбер? – хмыкнул старик. – Какой же ты русский?

– Еврей! Еврей! – истошно вопил я. – Только русский еврей! Родился в Москве. Мама моя в Москве родилась. А папа в Ленинграде. После войны перебрался в Москву с семьей. Блокадник он. Дитя блокадного Ленинграда!

– Что-то у тебя, еврей русский, совсем ум за разум зашел. Ленинград только в кольцо взяли, – сказал Канарис и впервые за весь допрос встал передо мной, загородив яркий свет и приставив ко моему лбу пистолет. – Три...

– Стойте! Стойте! – задыхался я. – Все скажу! Только не стреляйте. Не стреляйте!

Я уже понял, что у старика выпали из жизни последние семьдесят пять лет. Он все еще был на задании в Германии. Он все еще адъютант адмирала Канариса и служит Великому Рейху верой и правдой. И, что хуже всего, он все еще русский разведчик, чье задание под угрозой.

– Говори.

Я сам не понял, как выдавил из себя:

– Я знаю о вас все, Егор Фомич. Даже то, что вы сами еще не знаете. Только не стреляйте, пожалуйста! Каждое свое слово я смогу доказать. Вы все сами поймете. Вам станет легче, и мы все уладим мирно.

– Ну, давай, удиви меня, русский еврей Зильбер.

– Вы советский разведчик. Оперативный псевдоним «Канарис». Служили под прикрытием в Абвере, под началом начальника внешней разведки третьего Рейха, адмирала Вильгельма Канариса. Вы, собственно, его и завербовали, отсюда ваш псевдоним. Вы прошли всю вторую Мировую Войну и застали начало холодной войны в качестве сотрудника Советского посольства в ГДР. Вернулись в Москву в пятьдесят третьем. Вы долго преподавали в академии генштаба. Затем вас перевели на преподавательскую работу в ГРУ, где вы и проработали вплоть до развала Советского Союза. Ушли в отставку, когда в стране был полный бардак и беспредел, но все же вынесли все тяготы и лишения нового времени. Вы герой Советского Союза, Макаров Егор Фомич. Материалы по вам и другим разведчикам вчера опубликовали в открытом доступе. Вас наградили, Егор Фомич. Вы Герой. Вы прошли ад, и никто до вчерашнего дня не знал об этом! Вы герой! Герой! Сейчас две тысячи двадцатый год! Почти четверть нового века прошла, а о вас только вспомнили. А, ведь, вы настоящий герой!

Я тут внезапно осознал, что говорю истинную правду. Го-

ворю её искренне, и не кривя душой. Впервые в жизни, перед лицом смерти, я задумался о судьбе тех, кто ковал для меня победу в Отечественной Войне. Я впервые осознал, что это не абстрактные ветераны с гвоздиками, слоняющиеся по красной площади раз в году, а живые люди. Легенды! Матросовы, Космодемьянские, Ватутины, Покрышкины, Кожедубы, Маринеско... Люди с большой буквы. Люди, благодаря которым я вчера пил пиво и спокойно курил возле бара. Люди, благодаря которым я вообще на свет появился.

Я взглянул на убого обставленную квартиру Героя Советского Союза и у меня на глаза выступили слезы. Взрослый, седеющий мужик с пивным пузиком и притупившимся чувством человечности, сидел перед вооруженным ветераном, рисковавшим своей жизнью на протяжении семнадцати лет, и плакал. Я не знал, как смотреть в глаза старику. Что я мог сказать ему в свое оправдание? Как вообще можно оправдать предательство, которое общество совершило по отношению к таким, как он? Сколько таких героев встречают свою смерть в нищете? Сколько таких победителей уже умерло, не дождавшись от общества признания? Что они чувствуют, глядя на зигающих подростков в Европе?

Я понял одну простую истину – нет нам оправдания. Не страна их предала, а мы все.

Глава 5

Мы ютились за маленьким обеденным столом на кухне. Шел первый час ночи. Перед нами стояла пустая бутылка «Столичной». Закалка разведчика позволила ему пить наравне со мной, а если учесть мою травму головы, то еще и выглядеть бодрее.

Егора Фомича отпустило только после того, как я предложил ему посмотреть на даты газет и журналов, которых в его захламленной квартире было с избытком. Как оказалось, в годы его работы под прикрытием, у него действительно был связной с фамилией Зильбер. Вернее, на тот момент, фамилию связной носил немецкую, но вербовавший его Ганс Граубер, знал его истинное имя. У них была своя система пароль – отзыв для работы с агентурой. Если Канарис спрашивал агента, посланного Зильбером о своей рукописи, человек Зильбера должен был отвечать, что рукопись ушла в печать. Если отзыв был иным, явка считалась проваленной.

Вчерашний наш разговор, по всей видимости, разворошил страшное прошлое разведчика и разум бедного старика на время помутился. Когда Егор Фомич понял, что натворил, на него было больно смотреть. Ветеран осунулся, посерел и выглядел, как узник концлагеря. Он развязал меня и сам обработал разбитую голову. Затем он предложил вызвать скорую помощь и полицию.

Я не мог злиться на него. Вместо полиции я предложил разговор по душам. Дед все понял и, молча, достал из своих закровов бутылку водки и наспех собрал на стол, чего бог послал. Всевышний послал не густо, два помидора, огурец и кусочек сала с бородинским хлебом. На ветеранскую пенсию оплачивать счета за столичную трешку было делом проблематичным, поэтому в холодильнике у Егора Фомича было шаром покати. Я сбегал в ближайший супермаркет и забил холодильник разведчика продуктами с запасом на несколько дней.

Мы выпили. Закусили. Разговорились. Оказалось, что такие помутнения рассудка посещали ветерана и раньше. Просто не так остро. Местные социальные службы по причине неустойчивой психики разведчика, отказались его курировать, откупившись компенсацией к его пенсии. Шестьсот сорок два рубля. Продукты пенсионеру по доброте душевной таскала соседка, Клавдия Ивановна. Тоже пенсионерка.

– Не будь ее, – признался Егор Фомич, – скорее всего заглупел бы, еще лет семь назад.

Он рассказал мне о том, как тяжело давался ему его хлеб в годы службы. Как трудно было оставаться под прикрытием, ведь для этого ему приходилось соответствовать стандартам партии, исполнять свой воинский долг в полной мере. Конечно, польза от его разведывательной деятельности во много крат превосходила злодеяния, которые ему и его окружению приходилось творить по указке начальства. Но как мож-

но было ставить на разные чаши весов работу, пусть и во благо Родины, и жизни, ни в чем не повинных, людей и при этом оставаться в здравом уме? Я лично не мог представить себя на его месте.

Конечно, в его работе было и много хороших моментов. Например, когда, завербованный им, адмирал Канарис осознал, что Германия катится в пропасть, он активно включился в работу по свержению Адольфа Гитлера. Начальник Абвера был участником нескольких заговоров против руководства третьего Рейха. Естественно, для такой работы он подключал и своих подчиненных, в том числе и Егора Фомича. Вместе им удалось переправить в безопасную Европу по меньшей мере пятьсот евреев под видом агентуры.

– Пять сотен спасенных жизней, – подвел я итог рассказу старика.

– Против сотен тысяч, замученных в концентрационных лагерях, – горько сказал разведчик и разлил остатки беленькой по рюмкам. – Такова цена моей легенды и моих донесений в ставку.

Выпили. Помолчали.

– Как же вы вынесли все это? – недоумевал я вслух. – Эта работа не под силу простому человеку. Нет такой психики, которая могла бы это сдюжить.

– Так я и не сдюжил, – ответил разведчик. – Забыл, как я тебя пристрелить хотел, Зильбер?

Я улыбнулся и потянулся за второй бутылкой, которую ку-

пил уже сам. Дед одобрительно кивнул и встрепенулся:

– Нет, конечно не каждый день мы были в шаге от смерти, – сказал он. – Были и веселые моменты.

Я вопросительно уставился на разведчика. Дед старательно намазывал на черный хлеб масло и укладывал ровными слоями серебристую кильку.

– После командировки в Польшу, кстати, именно тогда адмирал Канарис был шокирован зверствами нацистов и принял решение бороться с режимом. Так вот, после командировки в Польшу, нам дали задание подготовить агентуру Абвера в России. Мы честно выполнили задание, я честно передал все сведения об агентах Абвера на оккупированной территории в Москву. А после началось самое забавное. Ваши, то есть наши, русские диверсанты, активно сотрудничая с местными партизанами, принялись лихо кошмарить местных полицаев. В основном их просто отстреливали. Но некоторых приходилось запугивать, поскольку их работа и их сведения были важны для Москвы.

Дед передал мне один бутерброд с килькой, мы чокнулись и выпили. Занюхав своим бутербродом выпитое, Егор Фомич в голос засмеялся:

– Я никогда не забуду, как читал докладную записку одного белорусского полицака.

Старик опять засмеялся, чем быстро заразил и меня. Все-таки привычка входить в доверие к окружающим у разведчика не выветрилась с годами. Еще не зная сути смешной ис-

тории, я глуповато хихикал вместе с рассказчиком. Дед просмеялся и сквозь слезы продолжил рассказ:

– Ты представь, Зильбер. Угрюмые коридоры Абвера. Суровая зима сорок третьего. Немцы только что получили пощам в Сталинграде и ходили, как собаки злые. Во всем и во всех они видели предателей и шпионов. А я сижу в своем кабинете и давлюсь от смеха над докладной запиской. Одного зарвавшегося полицая в какой-то белорусской деревне, партизаны решили проучить и устроили ему на местном кладбище шоу-спектакль, когда он в подпитии возвращался со службы домой. Ты только представь, как на немецком языке звучит фраза: «А вдоль дороги – мертвые с косами стоят. И тишина...»

Для пущего эффекта Егор Фомич встал и на чистейшем немецком произнес:

– Und entlang der Straße – Tote mit Zöpfen stehen. Und Stille. – дед не мог сдержать смеха. – Вот, как мне такую ахинею докладывать начальству? Страшные русские партизаны повеселились, а где-то в казематах Абвера в Берлине у немецких разведчиков мозг вывихнулся.

Я представил себе эту картину и тоже расхохотался. Смеялись долго и вкусно. Я аж поперхнулся килькой. А дед решил меня добить:

– А в шестьдесят шестом, на премьерном показе неуловимых мстителей я вообще сорвал все мероприятие. Как услышал эту фразу в исполнении Крамарова, так меня и порвало

на части. Смеялся так, что меня из зала вывели.

Мы сидели до четырех утра. Егор Фомич рассказывал мне о своих приключениях и о жизни после возвращения домой. Были и грустные моменты, и страшные. Одно то, как долго его шерстили в застенках НКВД после возвращения на родину, на пятерых хватило бы. Но разведчик все выдержал. Не сдался и не сломался. Железной воли человек. ЧЕЛОВЕ-ИЩЕ!

Ближе к трем ночи я понял, что пора закругляться. Егор Фомич уже начал засыпать. Я вызвал себе такси.

– Ты прости меня – дурака старого, – опять вспомнил он наше неудачное знакомство, прощаясь.

– Нет, Егор Фомич. Это вы меня простите. Нас всех простите. Не заслужили мы таких ветеранов. Не заслужили мы этой спокойной жизни. За слабость нашу простите. За эгоизм. За все – простите.

Я уехал домой с тяжелым сердцем. Старик за столько лет выговорился, наконец. Духом воспрял. Может, нужно было рассекретить его лет на «дцать» пораньше? Дать человеку пожить нормальной жизнью. Он же секретность соблюдал все эти годы. Всю свою жизнь держал в себе то, что рассказал мне сегодня. Мне одному рассказал.

Я дал себе слово навещать Егора Фомича почаще. Понял, что забота о таких героях лежит не только на плечах государства, но и на моих собственных. Люди вокруг должны прозреть и понять, кого они лишаются каждый год. Кто от нас

уходит в небытие. Каких людей мы теряем.

По мотивам рассказа полковника Макарова я написал разгромную статью в журнал, которую главред печатать почему-то отказался. Я спорить не стал и просто уволился из журнала. Естественно, громко хлопнув дверью – свою статью я выложил в электронной версии журнала, через своих айтишников. Точно так же, как выложил статью про сына мэра.

Довольный собой, я взял печатную копию статьи и направился в гости к Егору Фомичу. Долго стучался в дверь, полагая, что пожилой разведчик может просто напросто плохо слышать. На шум открылась соседская дверь. Через щелочку выглянула старушка:

– Вам кого, молодой человек?

– Вы должно быть, Клавдия Ивановна? – догадался я. – Я к Егору Фомичу. Подарок у меня для него.

Клавдия Ивановна осмелела и, открыв дверь, вышла в тамбур. Маленькими добрыми глазами она изучила меня и мой подарок на трех листах и выдала:

– А помер Егор Фомич. Опоздал ты, милоч, с подарками. Три дня, как схоронили.

Сперва, я замер, осознавая сказанное, затем, зачем-то извинился и ушел. Похоронили героя Советского Союза Макарова Егора Фомича на окраине. Металлический крест. Фамилия, имя, отчество и годы жизни, выгравированные на холодном металле – все, что осталось от легендарного Канариса.

Я читал ему свой подарок вслух, а по небритым щекам текли слезы.

– Простите нас, Егор Фомич. За все, простите.

Конец.